

Смута Луначарско-Свидерская

Письма З.Н. Райх и Вс.Э. Мейерхольда
(11 сентября – 20 ноября 1928 г.)*

10 июля 1928 г. Вс.Э. Мейерхольд вместе с З.Н. Райх приехал в Париж¹. Срок «научной командировки» был ограничен Наркомпросом двумя месяцами. В начале сентября истек не только срок командировки, но и французская виза, продлить которую было непросто, что потребовало вмешательства влиятельных парижских друзей.

* Публикация писем З.Н. Райх и Вс.Э. Мейерхольда продолжает тему закрытия Театра им. Вс. Мейерхольда в 1928 г. См.: «У Мейерхольда волчьи глаза», или «Органы порядка – остановитесь». Выступление В.Н. Яхонтова в защиту ТИМа (1928) / Публ., вступит. статья и коммент. В.В. Иванова // *Вопросы театра. Proscaenium*. 2020. № 1–2. С. 125–148.

Вс.Э. Мейерхольд и З. Райх с труппой ГосТИМа. 1926

Целью поездки Мастеру виделась организация зарубежных гастролей ГосТИМа. Режиссера, мыслящего себя лидером театрального обновления и желающего быть частью театра мирового, понять легко. Камерный театр уже дважды к тому моменту объездил Европу (1923, 1925), ГОСЕТ показывал спектакли в Германии и Франции (1928), Художественный театр гастролировал по Европе и США два сезона кряду (1922–1924), – пора было отправиться и ГосТИМу.

Официальной санкции Наркомпроса на переговоры с антрепренерами у Мейерхольда не было, но по умолчанию такие переговоры считались возможными. Для подготовки гастролей Мейерхольд уже приезжал в Париж в 1926 г. В 1928 г. ситуация в театре изменилась, изменились и задачи гастролей – они нужны были срочно, этой же осенью 1928 г. Причин тому имелось две. Затягивалась работа над новыми пьесами, обещанными В.В. Маяковским, Н.Р. Эрдманом, С.М. Третьяковым, и открывать сезон было нечем. Здание театра, давно требовавшее серьезного ремонта, пришло в аварийное состояние. Продолжительные гастроли становились производственной необходимостью, они позволили бы дождаться новых пьес и провести при наличии финансирования ремонт.

Вс.Э. Мейерхольд. 1926

Тем временем в Совнаркоме зрели свои планы. В двадцатых числах июля состоялось «совещание в составе гг. Рыкова², Смирнова³, Луначарского⁴ и Свидерского⁵», о котором А.В. Февральский⁶, ссылаясь на достоверные источники, сообщал: «Формально вопрос о закрытии театра не стоял. Но дело все-таки обстоит несколько иначе. Было выражено недовольство нашим театром, указывалось на то, что он обанкротился как хозяйственная единица, а отчасти и в художественно-идеологическом отношении, на то, что в театре “ненормальная атмосфера” и т.п. Поэтому, оставляя театр без дотации, было учтено, что он без материальной поддержки существовать не сможет и должен будет закрыться. Значит, закрывать театр не будут, а предоставят ему умереть собственной смертью»⁷. На встрече с мейерхольдовцами 17 сентября 1928 г. А.И. Свидерский описал это совещание более жестко: «постановление вынесено в Совнаркоме давно, сразу после отъезда Мейерхольда. И сам Анатолий Васильевич [Луначарский] на заседании Совнаркома говорил, что Мейерхольд переживает кризис, который продлится два года, и поэтому он за закрытие театра, против дотаций»⁸, подчеркивая, что это пока еще только мнение.

После этого совещания последовали телеграммы Мейерхольду с требованием прекратить переговоры с европейскими импресарио⁹ и немедленно возвратиться в Москву для подписания коллективного договора труппы ГостИМа с Главискусством, несмотря на то,

что полномочия на подписание имелись у администрации театра. Главискусство, однако, выдвигало новые условия договора, для обсуждения которых требовалось присутствие Мейерхольда. Стремление ультимативно вернуть режиссера в Москву, вероятно, еще и было вызвано определенным недовольством М.А. Чехова и А.М. Грановского. В политике только что созданного Главискусства парадоксальным образом соединилось желание видеть Мейерхольда в Москве с планами от него избавиться. Начальник Главискусства А.И. Свидерский на уже упоминавшейся встрече с мейерхольдовцами, предлагая труппе разные варианты существования без Мейерхольда (в качестве частного или государственного коллектива), убеждал: «Я скажу вам свою точку зрения, разделяемую и другими. Мейерхольд переживает кризис, он больше экспериментировать не может, правительство давало деньги именно на эксперименты Мейерхольда¹⁰. <...> Он артист. Думает только о себе. Ликвидация театра была бы в его интересах. Ему надоел театр. Но мы театр не ликвидируем. Сообщаю вам мое частное мнение, но не решение, которое может, однако, стать решением. Сообщаю вам, чтобы подумали, обсудили: 1) вопрос о дальнейшем существовании театра им. Вс.Э. Мейерхольда оставить открытым до возвращения Мейерхольда; 2) колдоговора с труппой не подписывать; 3) поручить Теаотделу (это к вам, т. Новицкий) разрешить вопрос об использовании имеющегося коллектива и здания. То есть, поскольку у вас есть труппа, пусть работает коллектив. Мы не хотим, чтобы страдали из-за взбалмошности Мейерхольда. Мы дадим здание, позволим пользоваться имуществом, но без всяких дотаций, на полной самокупаемости. <...> Государственным театром вы можете остаться¹¹. Но имя Мейерхольда вам не нужно. Зачем вам оно? Оно только повредит. <...> Вопрос этот согласован с т. Лежавой¹², с Анатолием Васильевичем. <...> Все говорят, что школы у Мейерхольда нет. Он не педагог. <...> А зачем вам обязательно имя Мейерхольда? Без него лучше. Ставьте что-нибудь попроще. Веселую комедию, водевиль какой-нибудь. Публика, может быть, и пойдет. Будет понятнее. Без всяких там мейерхольдовских штук. И дефицита будет меньше, если подешевле, без сооружений. <...> Это вопрос решенный. Никаких разговоров о заграничной поездке. <...> А Мейерхольд уехал и ничего не отвечает. Мы ему телеграфируем – он молчит. В конце концов – признает Мейерхольд Советскую власть? (Немая пауза.) Довольно церемоний! Решение наше и политически необходимо. Это ему будет уроком»¹³.

Мейерхольдовцы объявили мобилизацию дружественных сил – таковых оказалось много: «В театре настоящий штаб. Телефонные звонки, дежурные, люди получают задания, уходят и приходят, трещит машинка, летучие совещания. Одним словом – действительно военное положение. Бухарин сказал нам: “Вас бьют. А вы что, овечки? Отвечайте, вдвое огрызайтесь”. Мы это и делаем»¹⁴.

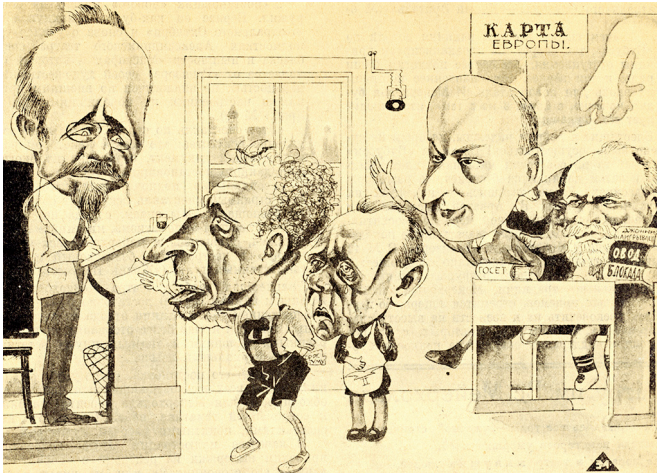
Вести о предстоящей ликвидации театра заполнили информационное пространство со скоростью степного пожара и вызвали ответный шквал. В газетах «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Правда», вечерних выпусках «Красной газеты» регулярно размещались репортажи с общей шапкой «Театр им. Мейерхольда должен быть сохранен». Не было единства и в самом Главискусстве, где заведующий театральным отделом П.И. Новицкий ратовал за сохранение театра, так же как и начальник Главреперткома Ф.Ф. Раскольников и начальник Агитпропа П.М. Керженцев. Волна поддержки прокатилась и в провинциальной прессе – едва ли не по всей стране. Газета «Смена» развернула кампанию о переводе театра в Ленинград. Принимались резолюции в поддержку театра комсомольскими, партийными, профсоюзными организациями всех уровней. Диспуты в защиту ГосТИМа прошли в Москве, Ленинграде и Тифлисе.

С общественным мнением власть в ту пору еще не могла не считаться. Но и поддержка не была безоговорочной, ставила условия, которые смыкались с требованиями Главискусства: обязательный отказ от заграничных гастролей, усиление связей с «советской общественностью», «оздоровление» творческой атмосферы театра. Как сформулировал администратор ГосТИМа Б.И. Гольдберг, «если мы победим, то будет победа не без аннексий и контрибуций»¹⁵.

В конечном счете Мейерхольд и мейерхольдовцы все-таки одержали крупную тактическую победу: театр был сохранен, зарубежные гастроли состоялись, хоть и в иное время (1930), ветхое здание на Садово-Триумфальной было решено снести и построить новое – по проекту М.Г. Бархина и С.Е. Вахтангова, воплощавшему самые смелые замыслы Мейерхольда.

Механизм уничтожения театра был, однако, опробован и запущен.

Публикуемые восемь писем З.Н. Райх, в нескольких случаях подписанные Вс.Э. Мейерхольдом, а в нескольких – им дополненные, были отправлены из Франции в Москву в последние два месяца из пяти их пребывания в Европе. Все они имеют коллективного адресата – труппу

Ученики Мейерхольд, Чехов и Грановский просят у учителя Свидаерского на выход. Шарж Э. Мордмилловича. 1928

и сотрудников ГосТИМа или группы близких театру людей. Сил на написание индивидуальных посланий после эпистолярной вакханалии предыдущих месяцев у Райх к сентябрю 1928 г. уже не оставалось. «...покаялась дать себе отдых на 2 недели от всяческих писем, ибо они невероятно волнуют и терзают», – признается она 27 сентября, когда становится ясно, что закрытия театра удалось избежать.

Взвинченные же письма от середины сентября еще полнятся маниакальным проговариванием аргументов в защиту ГосТИМа и мольбой все сделать как можно скорее, не упустить момента – письмо самого Мейерхольда на 39 страницах отсылается в Москву частями, и Райх пламенно призывает коллег: «не ждите, когда его всё перестукают, а работайте над каждой выходящей из машинки страницей». Ситуация по-актерски проживается на эмоциональном пределе. Расстояние между эпицентром катастрофы, расположенным в Москве, и главной фигурой, находящейся во Франции, только усугубляет драматизм происходящего. При этом становится очевидным: подозрения советской власти в том, что Мейерхольд и Райх окажутся невозвращенцами, беспочвенны. Все их помыслы и чувства направлены в Москву, к театру, к труппе, без которых себя не мыслят, к планам спасения и стратегии выживания. Отсюда состояние ярости и бессилия в момент, когда больной Мейерхольд оказывается не в состоянии внятно и четко сформулировать свое

обращение к ликвидаторам театра, и упомянутое письмо разрастается до сумбурных и отчаянных тридцати девяти страниц.

Довольно подробно говорится в письмах Райх о болезни, состоянии и лечении Мейерхольда, но даже изложение медицинских подробностей внезапно перебивается ее агрессивными выпадами в адрес управляющихся с театром инстанций и их представителей: «Мейерхольд болен – ясно?», «Подсудимый болен – ясно?», «болезнь не дипломатическая, а самая страшная и настоящая».

По настроению писем видно, как с начала октября ситуация улучшается по всем направлениям – и в плане здоровья Мейерхольда, и в вопросе дальнейшего существования ГосТИМа. Зарисовки Райх людей и нравов (в Виши) становятся все колоритнее и оживленнее, достигая пика в описании пребывания в Марселе, напоминая сценарий гипотетического фильма «Мейерхольд и пролетарская Франция».

С кем бы ни встречались Райх и Мейерхольд в Виши, Марселе и Париже, а это, к примеру, Пабло Пикассо или Сергей Прокофьев, какие бы увлекательные и грандиозные планы ни разрабатывались, как бы страстно ни интересовались они происходящим в Москве и ни желали бы видеть театральные и кинематографические новинки Парижа, лейтмотивом их настроений остается: «Незаслуженно гнусно обидели нас Луначарский и Свидерский», «Ах, как счастливы, что за плечами эта смута Луначарско-Свидерская!» и «хочется <...> работать до “запоя”». С этими чувствами Зинаида Райх и Всеволод Мейерхольд и возвращаются 2 декабря 1928 г. в Москву.

1

З.Н. Райх – Н.К. Мологину¹⁶

11 сентября 1928 г.

5 ½ ч. дня

Paris

Товарищи Мологин, Нестеров¹⁷, Февральский и Гольдберг¹⁸!

Вс.Эм. попросил меня снять копию с телеграммы Свидерскому¹⁹ (копии он направляет – Вы видите куда по заголовку) и переслать Вам «par avion». Телеграмма от 10/IX – Свидерского получена сегодня, и Вс.Эм., написав ответ, опять слег с сердечным припадком в постель. В уходе и отхаживании его мы пропустили время отправки телеграммы через полпредство и посылаем ее копию «par avion».

З.Н. Райх.
1924

Из-за (5-го) припадка не успела на визит, который был назначен на 4 часа у профессора для окончательного диагноза болезни. Вс.Эм. хотел сам написать вот это приложение, но случился опять приступ, и он просил сделать это меня.

Я очень теперь волнуюсь за состояние Всеволода Эмильевича, болезнь его в связи с московскими делами принимает острый характер.

Еще страшно то, что лечение и врачи здесь стоят безумных денег. Профессора берут от 300 до 800 франков за визит (от 24 до 65 рублей). Вся надежда на Жемье²⁰, который очень чуток.

По-видимому, в связи с состоянием Мейерхольда, травлей театра в Москве, угрозой закрытия, запрещением гастролей, [сведения о] которых уже проникают в иностранную прессу, – дело примет очень серьезный оборот. Будут протесты театров Европы и крупнейших художников, но об этом никому не говорите, потому что Вс.Эм. все надеется, что в Москве образумятся, и просит здесь всех преждевременно не выступать.

Через посольство телеграммы очевидно доходят позднее, чем непосредственно, потому что нет ответа на телеграмму о болезни Мейерхольда и приезде Гольдберга, а есть уже телеграфный ответ Гольдберга на частную телеграмму Вс.Эм. относительно семьи, которая была подана Вс.Эм. на другой день после отправки вышеупомянутой²¹. Потому и

копию телеграммы Вс.Эм. велел мне послать сейчас «par avion», потому что телеграмма будет только завтра сдана в полпредство, а когда ее полпредство пошлет и в каком виде – неизвестно.

Вс.Эм. просит труппу и местком категорически настаивать на подписании колдоговора²².

Два лозунга его теперь: 1) разрешение гастролей за границей, 2) признание заслуг театра на революционном фронте и за это награду: ремонт капитальный театра.

Вс.Эм. все свои действия согласует с полпредством. Французское полпредство²³ решило обратиться к полпредствам нашим всей Европы с призывом высказать о желательности гастролей нашего театра.

Кроме того будет действовать Русско-французский комитет сближения и обмена искусств (я не знаю точно, как он называется)²⁴, в который входит масса крупнейших политических деятелей Франции и та дама X, которая внесла инициативу финансовой поддержки нашего театра. Все это происходит при ближайшем участии нашего полпредства.

Вс.Эм. сейчас открыл глаза и просит прибавить строчку, что болезнь его ни в коей мере не дипломатическая, а самая страшная и настоящая! Ну, я больше не могу писать. Я тоже издергана вконец, и только сознание одиночества Вс.Эм. заставляет меня брать себя в руки и работать, работать через всякую нервную и физическую силу мою.

Ваша *Зинаида Райх*.

Все написанное здесь Зинаидой Николаевной написано по моей просьбе. Действуйте энергично и наступательно. Я бы написал больше, но не пишу, мне очень, очень худо.

В. Мейерхольд

Автограф.

ГЦТМ. Ф. 175. Ед. хр. 5. КП 270050.

2

Выдержка из письма З.Н. Райх труппе ГосТИМа
14 сентября 1928 г.

Сегодняшний бюллетень о Вс.Эм.

Вчера невропатолог сказал, что у Вс.Эм. невероятное потрясение нервной системы, расширение сердца, необычайно пониженное давление крови и пульсации.

Сегодня будут сердце просвечивать рентгеном. Завтра в 6 ч. дня консилиум, и тогда я все сообщу. После этого диагноза – этот диагноз провизируем у полпредского врача и пришлем его вам.

Два месяца лечения и отдыха – это minimum, на котором настаивают врачи.

Вс.Эм. надеется в воскресенье 16/IX закончить в «Комсомольскую правду» ответ на открытое письмо, которое исчерпает все²⁵, а кроме того, он уже написал большое письмо Рыкову и тоже отправит²⁶. Телеграмму Свицерскому полпредство не отправило, а Вс.Эм. ее лично переписал и послал ее все же адресату par avion в Наркомпрос, Главискусство. Телеграмма, правда, грубая, но это был предел и самое острое время в заболевании Вс.Эм.

Кажется, пока все.

P.S. Вс.Эм. просит прислать пьесу в нынешнем состоянии (Багдасарьяна–Аксенова)²⁷, и он вышлет вам экспликацию.

Рукописная копия.

РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 10.

3

З.Н. Райх – Коган²⁸, Гениной²⁹, В.Ф. Ремизовой³⁰ и Е.В. Логиновой³¹

Открытка

Adresse

URSS, Moscou

Москва, Театр им. Вс. Мейерхольда

Триумф.-Садовая, д. 20

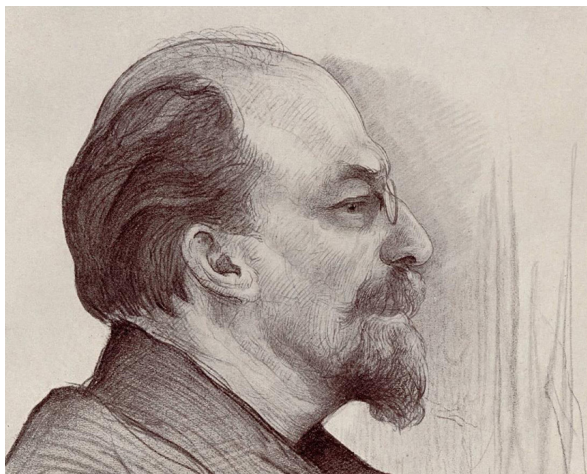
27 сентября 1928 г.

Vichy

Hôtel Rivoli

Boulevard de Russie

Милые Лиза, Рита, Варвара Федоровна и Елена Логинова! Письма я Ваши получила – спасибо, родные! Не могу сейчас на них подробно и каждому в отдельности отвечать, так как совсем оболванилась от писем. Пишу сейчас в Москву так много, что рука устала. Сегодня поклялась дать себе отдых на 2 недели от всяческих писем, ибо они невероятно волнуют и терзают. Главная грусть моя это, что прекраснейшие условия для лечения в Виши для Вс.Эм. могут пройти даром. Вот уже 5-й день, как мы после телеграмм о «ликвид. комиссии» непрерывно работаем

Исаак Бродский.
Портрет
А.В. Луначарского
(фрагмент). 1920

над составлением телеграмм³² и писем в Москву. Все режимы и лечение полетели к черту. А здесь очень, очень хорошо, и были все надежды привезти Вам совсем здорового Мейерхольда. Целую. Пишите.

Зина

Автограф.

РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 30–30 об.

4

З.Н. Райх и Вс.Э. Мейерхольд – А.Е. Нестерову и Х.А. Локшиной³³

28 сентября 1928 г.

Дорогие Саша и Хesia и все!

Мы оба на грани сумасшествия. Мейерхольд болен – ясно?! Он работал над письмом четыре дня. Я хотела его переписать, чтоб было оно яснее, и кое-что сократить, но это оказалось мне не под силу. Посылаю письмо в том виде, в котором оно есть³⁴. Сначала перестукайте на машинке, и пусть Февральский и Сарабьянов³⁵ его подсократят, отредактируют, вычеркнут места, где повторяется во второй раз сказанная мысль. Ни я, ни Вс.Эм. этого сделать не в состоянии. Отказываемся.

Потом надо письмо как-то упорядочить. В общем, делайте, что хотите! Только скорее.

Может быть, это сделают Мологин и Февральский – для скорости.

Сами увидите, что лучше, и сами вычеркивайте, что считаете

ненужным. Подсудимый болен – ясно? Я умоляла все четыре дня о коротком письме, но в коротком о таком длинном не скажешь, очевидно.

И пусть все сволочи знают, что с сегодняшнего дня – Мейерхольд больше не напишет строчки в свою защиту.

Копию письма передайте Кострову – он блестящий редактор и он сумеет из этого материала выжать ответное письмо Мейерхольда «Комсомольской правде», которое они ждут. Ведь А. Луначарский тоже кроит и перекраивает свои статьи.

А больному Мейерхольду сам черт велит. И, тем более, что письмо то строилось на материале для «Комсомольской правды».

Постарайтесь, чтоб письмо не было бесконечно длинным, постарайтесь, чтоб была в нем ясность и стройность мысли.

Сделайте это письмо в ЦК, в Агитпроп и т.д., совместно с Костровым и его помощниками, они люди опытные и политически во всем прекрасно ориентируются.

Вчера послали 10 страниц начала (expresse), а сегодня все (те 10 стр., что послала и успела скопировать) на всякий случай посылаю «par avion».

Не ждите, когда его всё перестукают, а работайте над каждой выходящей из машинки страницей.

И именно его сначала отстукайте (требуется Вс.Эм.), а затем правьте, чините, сокращайте. Для диктовки машинисткам посадите тех, кто хорошо разбирается в почерке.

Когда под Вашими руками письмо придет в стройный вид – пожалуйста, перешлите нам его немедленно в копии. А подпись на письме на стр. 35³⁶ приложите к подлиннику, посылаемому в комиссию, а к остальным материалам припечатайте эту страницу с подписью.

Ждем известий ежедневно!

Ваша *Зинаида*.

P.S. Вчера послали Нестерову телеграмму:

Письмо выслано (речь шла о первой части – 10 стр.). Телеграфьте положение.

Ответа нет, уже прошло 24 часа. Ужасно, ужасно тревожимся. Ночь опять была бессонной. Телеграфьте, ясность самая гнусная – лучше неизвестности.

Порядок страниц тоже можете изменять, как покажется лучше.

З.Р.

Если это письмо ждут (ведь о нем послано 10 телеграмм в Москву) – немедленно все мобилизуйте и сделайте так, чтоб оно у Вас задержалось не более 2 суток. Или поздно?..

Все, что сказала З.Н. относительно «письма» – рыхлого и растянутого, не удавшегося вследствие моего «психического расстройтва» (так волнуюсь событиями), – совершенно верно. Умоляю Вас: обработайте материал, вычеркивайте что неудачно, добавляйте его вескими аргументами и... направляйте (куда, сами знаете) скорее.

В. Мейерхольд

Автограф.

РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 31–32 об.

5

З.Н. Райх – труппе ГостИМа

Письмо № 01

4 октября 1928 г.

Vichy

Дорогие товарищи!

Исполняя обещание давать вам бюллетени – сообщаю: здоровье Мейерхольда неуклонно идет к улучшению. Сегодня 5-й день, как нет припадков. Но все же он продолжает сидеть на голодной диете. Через неделю начинает брать углекислые ванны для сокращения сердца и арты. А затем на юг, если все будет благополучно. К концу ноября думаем быть в Москве. Здесь уже довольно холодно, особенно вечерами.

Сегодня вдруг погода, как в июле. Встретили мы здесь т. Вейса³⁷ и американского журналиста Резвика³⁸ (вы его, наверное, знаете). Т. Вейс – председатель Правления безбожников – он будет в Москве в конце октября и расскажет вам о Вс.Эм. (а также обещал все рассказать Ярославскому³⁹, с которым он часто видится).

[Сбоку слева страницы]: Начинаю нумеровать письма. Это № 01.

С этими двумя (с т. Вейсом и Резвиком) ездили на автобусе за 50 верст – очень красиво – Вс.Эм. дышал горным воздухом и был очень доволен. А в городке Тьере, куда приехали – осматривали фабрику ножей и ели чудесный местный виноград. Мейерхольд очень похудел на диете, а волосики у него не вьются пока, выглядит еще плохо, но часто говорит: погодите, граждане-враги, вы там в Москве изводитесь, а я здесь набираюсь силенок!

З.Н. Райх – Анна Андреевна, Н.К. Мологин – Добчинский.
«Ревизор». ГосТИМ. 1926

Особенно измывается над Свидерским (ясно – герой дня): «ему бы здесь неплохо полечиться!». Резвик и Вейс говорят, что у него тоже foie (печень) не в порядке.

Сегодня Вс.Эм. отправил письмо к Беседовскому⁴⁰, зам. Довгалевского⁴¹, который на днях едет в Москву. Вс.Эм. просит Беседовского зайти в ЦК к Криницкому⁴² и рассказать обо всем (о работе в Париже (гастроли) и о болезни) подробно и также обо всем информировать по телефону Луначарского.

Сегодня получили от Жемье письмо⁴³. Он сообщает, что послана телеграмма Луначарскому в Москву (текст, переписанный мною, прилагаю). Позвоните Луначарскому и спросите, получил ли он ее. Да лучше и не звоните. Пусть съест сам.

Получили из *Monde* (Барбюсовский орган)⁴⁴ письмо, где просят опровергнуть печатаемые в буржуазных газетах всех стран сведения, что Вс.Эм. М-д и я удрали из СССР, живем сейчас во Франции и страшно рады, что «вырвались» от большевиков. Вот что наделали Свидерский и Луначарский своими паническими требованиями, а подать сюда его нам, «немедленно выезжайте, хоть полумертвый». Этим были вызваны все подозрения и наветы.

Прилагаю 2 вырезки из «Возрождения»⁴⁵.

Вс.Эм. пошлет Довгалеvскому письмо, и уж Полпредство отпечатает в той газете опровержение, где найдет уместным.

Получаем много писем из Америки и с разных концов Европы о наших гастролях. Много предложений всяческого рода – единолично Мейерхольду, но все предложения о единоличной работе Вс.Эм. отвергает. Письмо его об этом – прилагаю. Любопытно: особенно полились предложения к Вс.Эм., когда было напечатано здесь в газетах, что Луначарский и Свидерский требуют Мейерхольда в Москву, а он не едет. Конечно это ось политическо-тактической ошибки, совершенной Луначарским и Свидерским. У них не было никаких данных сеять панику и быть зачинщиками в сомнениях «приедет или не приедет». Письма всех получаем аккуратнейше и шлем большую всем благодарность. Сейчас делаем двухнедельный антракт и не будем изобильно писать, а потому да не обижаются не получающие ответов. Вс.Эм. будет сам писать на днях директивные письма по художественно-общественной части и по финансово-хозяйственной.

Итак, вы 19-го открываетесь! Но все точно сговорились, и в телеграммах и в письмах неясно – 19, 12 или 13-е?⁴⁶

Вчера Вс.Эм. отправил чудесный материал (иконографический) к марокканской пьесе – эта книга стоит 16 рублей, и мы истратили почти последние наши пенензы⁸, но решили, что этакой книжицы в Москве нет. Еще на днях пошлем текстовый материал и напишем в Париж редактору *Cahier d'Art*⁴⁷, чтоб тоже послал вам по Марокко материалы. О пьесе Вс.Эм. будет на днях писать подробно, если ничто не помешает (сведения из Москвы – они столь капризны...).

О диспутах все знаем. Очень интересуемся подробностями заседания худсовета (кто был – подробно и что говорилось и кем – чем именно).

Очень хочется знать, как прошел диспут в МК⁴⁸.

Все же не ясна картина отношений к театру ни в ЦК, ни в МК, ни в Совнарком, ни в Наркомпросе (последнее яснее, но как они теперь: очень сопротивляются, и борьба впереди острая с ними или им серьезно крыльшки пообломали?). Напишите об этом всем подробно.

Наверное, уже получили письмо Вс.Эм., если оно не задержано на одной из границ. В одном конверте было только начало (10 стр.), а в другом, посланном на другой день, все 35 страниц.

* деньги (польск., жарг.).

Страстно интересуемся, как же поступили с этим материалом? Помог ли в обработке Костров и будет ли это печатать? Пришлите копию, как у вас вышло уже в обработанном виде. Очень «истеричен» материал. Истеричность вызвана «истеричностью» всей эпопеи, которую создали Свидерский и Луначарский.

Но вообще считаю, что в Москве поветрие на истеричность, и отнюдь не у женщин наблюдаю, а у мужчин в особенности.

Ах, как прав Кугель⁴⁹, когда пишет, что особенным талантом Мейерхольда было – во все времена – возбуждать к себе интерес. «Ну и юбилейчик они мне устроили⁵⁰», – часто повторяет Вс.Эм., просматривая вновь получаемые вырезки.

Простите, дорогие, что пишу столь скучное письмо, и изложение какое-то скверное. Но это означает, что усталость адовая отходит, а сил еще не набрано новых.

Привет всему ТИМ'у! Пишите и высылайте вырезки с той же актуальностью.

Ваша *Зинаида Райх*.

I. P.S. А что-то не слышно о Викторе Шестакове?!⁵¹ Где он? С нами? Вс.Эм. в тревоге. Напишите.

II. P.S. А все же здорово, что Маяковский за поэму и стихотворение и «амнистировал Рембрандта»⁵²! А он у нас в хвосте-то оказался! Но все же хорошо!

Эту телеграмму передайте в музей Степанову⁵³ и ни в каком случае не печатайте. Могут произойти крайне большие неприятности, не для нас скверные, а для этих людей здесь в Европе, так как газеты перепечатывают всякие нужные им сведения и из наших газет.

Meyerhold gravement malade du foie medecins exigent traitement serieux environ deux mois. Stop vous serions reconnaissants etre bienveillant envers nos deux camarades si eprouves et desoles de la fermeture de Theatre Meyerhold.

Fabre, Gemier, Baty, Jouvet, Lugne Poe^{* 54}

РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 38–32 об.

* У Мейерхольда серьезное заболевание печени. Врачи требуют лечения приблизительно в течение двух месяцев. Были бы вам очень признательны за доброе отношение к нашим двум верным друзьям и огорчены закрытием театра Мейерхольда.

6

Вс.Э. Мейерхольд и З.Н. Райх – труппе ГосТИМа

17 октября 1928 г.

Vichy

*«Ближе друг к другу, товарищи:
крепче дружба – большие силы!»*
(М. Горький)⁵⁵

Здравствуйте, дорогие товарищи и друзья!

Вс.Эм. и я шлем вам к открытию сезона груду всевозможнейших и чудеснейших пожеланий!!!

Не будем их перечислять! Мы все знаем, что надо нашему театру в целом и каждому из нас в отдельности.

Мы здесь радовались вместе с вами, точно сами слышали стуки на сцене обновляемого «Леса», точно сами монтировали афишу к открытию сезона, точно закупали с Гольдбергом дрова на весь сезон! Как хочется верить, что перемирие надолго, что нелепейший Багдасарян⁵⁶ удастся, что, наконец, наш новый хозяйственник Гольдберг не обманет наших надежд! Это все задачи текущие, но первостепенные!

Очевидно, совсем очевидно для нас, что мы должны самоорганизоваться, подобно маленькому государству. Ибо состояние войны, вернее, «обороняемости», – мы переживаем «перманентно» (ох, какое опасное слово?!). А посему нам необходимо иметь свой ВЦИК (худсовет), свое дипломатическое представительство, свой Госплан, свой Агитпроп и т.п. цепь организаций, которая всегда, точно пожарная дружина – готова была бы выступить, мобилизуясь в 5–10 минут!

Кольцо врагов не дремлет, надо работать, работать и работать!

Страшно отраднo, что случилось так, что наспех мобилизованные силы все же отогнали на время противника. А самое важное было и есть в этой борьбе то, что все вы приобретаете большую самостоятельность и из вас «вылущиваются» (одно из любимых словечек нашего мастера) необходимые серьезные и стойкие борцы, защитники и помощники нашему «Президенту» – Мейерхольду. Кроме «Вице-Президента» – Раскольникова⁵⁷ (или еще кого-либо?) – совсем органически, с нашей точки зрения, выливается необходимость создания небольшого совета – 5–7, представительного от организации или выборного (это надо обсудить), который помогал бы мастеру вести театр по тем путям, по которым шли идеологически и до сих пор.

З.Н. Райх – Анна Андреевна. «Ревизор». ГосТИМ. 1926

Вот, например: закрыв глаза, можно с уверенностью сказать, что многие из наших товарищей думают вместе с врагами нашими, что последние годы работы нашего театра были отступлением с революционной дороги, отходом от Театрального Октября, выходом из авангарда в арьергард.

Надо совсем тщательно всем нам вместе все это продумать и обсудить.

Ведь вот же строился Волховстрой, ЗАГЭС и т.п. Разве они строились из нового материала, по новооткрытым архитектурско-инженерным планам?

Они работали из материала, который и раньше был употребителен в этом случае. Но цели и задачи у СССР совсем другие, когда возводились у нас эти сооружения!!!

Так, подобно этому, строились и наши «Ревизоры» и «Гореумы»!

И только строительно-монтажная часть нас подводила. На этих неудачах технически-неудающегося конструктивизма, на почве отсутствия соответствующей техники – должны мы строить соображения о наших якобы неудачах. А знамя веры и знания верной дороги нашей репертуарно мы должны крепко держать в наших руках.

Надо развить нашу агитпропную работу, но сдавать наших художественных позиций мы не должны. А агитпропная наша работа должна

состоять в том, чтоб мы все четче знали нашу дорогу – и вселяли всем и каждому вокруг, что у нас верная и единственно возможная для нас дорога.

Понятно ли?

А посему: мы первые повернулись «лицом» к классикам. А что сейчас говорит Маяковский? Он амнистировал Рембрандта?

А что говорят рабочие? Они в литературе и в музыке больше всего любят классиков. А потому мы никому не уступим нашего права и желания нашего как художников – работать над классиками!

Надо доказать всем, что мы были правы, когда работали над классиками. Мы имеем право, нам должны верить, мы заработали это право – работать по-советски над любым, нашему вкусу соответствующим материалом.

Страна большая, Москва большая, людей много! У нас есть своя публика, мы ее должны создавать, мы ее должны вести за собой! Каждому свое. Не надо становиться никому поперек дороги (признавать заслуги всех вокруг: и [театра] МГСПС, и театра Революции, и МХАТов, и мхатиков), но отвоевать свое место – это наша боевая задача.

У нас есть сейчас крепкий союзник – комсомол – это самое прекрасное наше завоевание. К открытию сезона поздравляем вас с этим дебетом!

Еще раз желаем вам бодрости, силы, энергии, мужества к началу сезона!!!

Теперь несколько слов о здоровье Всеволода Эмильевича.

Печень пока что, надо надеяться, – излечена. Припадков нет, рвот нет. Но врач оставил Вс.Эм. на строжайшей диете, надо будет держать его только на овощах, кашах и коровьем масле.

Говорят, что масла коровьего нет в Москве. Это меня ужасно пугает. Ибо никакого другого его печень не выносит, и это-то только в количестве 50 граммов в день.

Курс лечения печени в Виши закончен. Сейчас принимает для усиления кровяного давления и сокращения сердца ванны *carbo-gazeux*^{*} здесь же в Виши. Принято уже 9, осталось 3.

Nachkur^{**}. 20 или 21 выезжаем в Ниццу. Там пробудем 3 дня, а затем

* ванны *carbo-gazeux* (фр.) – углекислые ванны.

** *Nachkur* (нем.) – долечивание, дополнительное лечение, последующее лечение.

по совету здешнего врача (и Бабея⁵⁸, которого видели еще в Париже) едем в S. Троpez до 10 ноября. Затем ненадолго в Париж. В Париже необходимо посмотреть некоторые новинки – ведь мы были в мертвый театральный сезон и ничего примечательного не видели. А уезжать мимо – глупо. Рассчитываем быть в Москве в 20-х числах ноября.

«Силушка», как говорит Вс.Эм., вливается в него опять. Волосы подвиваться стали. Смешной он был, когда они у него были ровненькие – необычно очень.

Очень хорошо, что отдыхает. Много в себе подверг ревизии, много думает, многое в себе, в своей работе утвердил, много уже планов роится в голове.

Ах, как счастливы, что за плечами эта смута Луначарско-Свидерская!

И это последнее письмо Вс.Эм. в 35 страниц – это какой-то кошмар затравленного художника! Страшно было.

Еще «анекдотно» – мы получили в последние дней 10 из Москвы писем 30, и в каждом: на днях премьера «Белого орла»⁵⁹ – «идем» или «иду» смотреть. В каждом-каждом!

И еще ни в одном не было, что уже «посмотрели» или «видел».

Очень интересно, как сошла премьера, и как, и где ругается печать?!

Вс.Эм. и я сейчас работаем над Багдасаряном. Я этой темы касаться не буду – пишет в режиссуру сам мастер. Или в нас запал сейчас большой – не знаю что, но кажется, что можно было бы преподнести зрителю ярко и интересно, так что проглотилось бы с любопытством и удовольствием.

Надо подать очень хорошо начало, увеличить женские роли, которые оскоплены, подкрутить интригу и изменить конец. А Аксенов⁶⁰ – того?!

Быстро печатает на машинке!..

Сегодня получено письмо Зайчикова⁶¹ и Цетнеровича⁶² – ей-ей Марксу – радуется душа на энергию!⁶³

Пишите, товарищи!

Примите крепче эпитафия письма. Вс.Эм. даже советует отпечатать в 50 экз. и расклеить во «внутренних актерских покоях»...

Дружески шлем приветы!

Писать теперь следует на парижский адрес только.

Ваша *Зинаида Райх*.

Всему ГосТИМу мой сердечный привет и поздравление.

В. Мейерхольд

Автограф.

РГАЛИ. Ф. 963. Оп.1. Ед. хр. 97. Л. 33–37 об.

7

З.Н. Райх – труппе и сотрудникам ГосТИМа

16 ноября 1928 г.

Письмо «посвящается» Елене Логиновой

(вместо ответа)

Всем

Здравствуйте, дорогие товарищи!

Я, зная, как медленно, тягуче-длинно кажутся последние моменты всякого ожидания, – решила написать вам, чтоб не было так скучно вам ждать вашего мастера.

Приехали в Париж 10-го в 10 ч. вечера. Во все последующие дни все знакомые и друзья, встречая Мейерхольда, находили, что он выглядит подзагорелым, бодрым, здоровым.

Предупреждаю: он очень похудевший до сих пор, и нельзя наладить его пополнения, так как сидит он на строгой овощной диете до сих пор по предписанию врачей.

Но это не важно, он крепок, бодр и здоров – это сейчас главное.

Очень-очень, бесконечно беспокоясь, ежедневно стремится к работе, к театру. И тоже тоскует особенно трудно в последние дни. Страшно волнуется, что задержка выйдет с деньгами, их до сих пор нет.

По дороге в Париж, по моему настоянию, захали в Марсель. Вс.Эм. очень упирался и не слушал разумной логики – что все равно где ждать денег, но я настояла категорически.

Мы видели буржуазную Европу в этот раз во всем блеске и разнообразии, видели крестьянскую Францию, путешествуя вокруг Виши в радиусе 75 верст, а рабочей, пролетарской Франции не видели. В Париже этого сделать нельзя, хотя мы 1 ½ месяца жили в самом рабочем коммунистическом районе, но это все же не то, ходят здесь за нами шпики стаями. Марсель был необходим.

Остановились мы в дрянном отелишке, где простыни, извините, пахнут невыносимо человеческой псиной, где пол скрипит от плевка, где грязно до тошноты. Утром пошли в гавань, на пристань – в старый Марсель.

«Ну, знаете ли!» Это столь необычайное зрелище, что мой несчастный карандаш бездарен в этом случае – куда и где ему, бедному, описать все то любопытнейшее и интереснейшее, что там есть!

Такой грязи, нищеты, космополитизма человеческого, [рваных] детей, пестрых рынков, страшнейших проституток – не описал до сих пор ни один замечательный писатель.

Страшное зрелище. Мы ходили зачарованные этим контрастом – бездонной нищеты и умопомрачительной расточительности всяких «Довилей» (вэдэтный пляж)⁶⁴.

Ничего подобного ни один из нас не представляет: ужаса жизни этих узеньких – в четыре-три шага ширины – улиц, длинного колодца пятиэтажных темных домов с ожерельями стираного нищего белья.

Но в этом же порту мы видели чудо инженерной техники – необычайно изящный мост, через который на тросах без малейшего скрипа, бесшумно движется громадный плот в воздухе, загруженный двумя грузовиками и 50–100 человеками. Прилагаю его изображение.

Вс.Эм. совершенно влюблен в этот мост и долго говорил мне о настоящих и подлинных конструкциях...

Затем мы ездили с кук'иными детьми⁶⁵ в «отокаре»* по всему городу (этих кук'иных детей, к слову сказать, в порт и в эти кварталы не возили...). Город до того разнообразен и необычаен по неожиданностям, что Мейерхольд только охал от удивления.

Вечером пошли в центр на русскую фильму (изданную в Германии). Кстати, в Марселе шло 4 русских картины в этот день, но все не русского кинопроизводства. Я очень обрадовалась, ибо мы трагически опоздали, и я уговорила Вс.Эм. идти в порт в матросский кино. Было страшно.

Мы имеем вид явных иностранцев, и Вс.Эм. все волновался, что его кожаное пальто сочтут за буржуйское и разделяются с ним «по-свойски». Но все же пошли, как говорится, «рискуя жизнью». Заплатив по 16 копеек за места лучшего качества, мы зашли в зальце махонькое и грязное. Картина давно шла, тоже «русская»...

В антракте во время света увидели всю матросню и их подруг. Белые лица, черные лица, оранжевые лица, желтые лица: «смешались в кучу кони, люди»!

Между рядами ходила хозяйка кино, продавала бутылками лимонад. Грязная она, босая, толстая, растрепанная – продав свои бутылки,

* Отокар (фр.) – туристический автобус.

из которых пили прямо из горлышка, она сделала знак – и сеанс продолжался!..

В общем итоге – Мейерхольд был чрезвычайно доволен, что побывал в Марселе, очень меня благодарил за настойчивость. А я втихомолочку радовалась, что пополнился еще творческий словарь наблюдений мастера. В общем итоге, несмотря на тяжело пережитые 5 месяцев здесь, в Европе, болезнь, неудачи с гастролями, – очень все вышло замечательно. Ах, ребята, как остро чувствуем мы сейчас здесь в Париже, как незаслуженно гнусно обидели нас Луначарский и Свидерский своим запретом – сезон в разгаре, и вот бы нам сейчас показать своих «ребенков» – «Лес», «Ревизора» и т.п. Куда как хорошо было бы продефилировать созданными сокровищами революционного искусства перед разнузданно лгущими о нас европейцами.

А сейчас вы там мучаетесь над бездарным Багдой⁶⁶. Но, может быть, «нет худа без добра».

Из Мейерхольда выпирает его беременное творчество. Идешь с ним, что-нибудь ему рассказываешь, а когда надо ему ответить, он молчит. Посмотришь на него и видишь, что он ничего сейчас не слышит, все слова мои пропустил и сосредоточенно над чем-нибудь думает. Иногда оставляю его так, не добиваюсь ответа, а иногда дергаю, дергаю его за рукав, а он, точно во сне, еле-еле придет в себя, и надо еще раза три повторить вопрос, чтоб ответил.

Вчера были у Пикассо. Сидели у него два часа. Подробности расскажем при свидании. Было очень интересно. Он испанец, Мейерхольд немец, я и жена Пикассо⁶⁷ – русские, и был еще один англичанин, а все говорили на французском языке, и все плохо. Ужасно было смешно. Но мы так «насобачились» по-французски – сами иногда удивляемся.

Говорили много о Гамлете⁶⁸, мечтали о совместной работе Пикассо с Мейерхольдом, смотрели новые работы Пикассо. Пикассо утверждает, что Мейерхольд его «конкурент», и заявил, что «обожает» «Ревизора» и считает гениальным произведением у Мейерхольда.

Мейерхольд ушел наполненный и счастливый от него.

Сегодня свидание с Прокофьевым⁶⁹. Ежедневно бываем в театрах и кино.

Страшно много интересного и замечательного (но в театре – в театрах – еще ничего «замечательного» не видели), а в кино – есть вещи ошеломляющие.

З.Н. Райх –
Софья.
«Горе уму».
ГосТИМ. 1928

Но все же, как здесь сейчас ни хорошо и интересно, очень трудно проходят последние дни перед отъездом, кажутся бесконечными и длинно-стоверстными. Хочется, хочется, хочется скорей видеть всех, а вернее, работать до «запоя»!

Позавчера были у нашего полпреда Довгалева – он нас прямо «вытаскивает» из Парижа в Москву. Мы с ним обедали, очень интересно провели пару часов, он рассказывал, что ему писал Луначарский о Мейерхольде, требовал перерыва отдыха и лечения и высылки немедленной Мейерхольда в Москву. Довгалева даже денег займа на 3 дня предлагал, чтоб уезжали скорей. Смешно и грустно все это.

Получили письма Нестерова, Февральского, Логиновой об октябрьских днях и о театральных делах. Ужасно радуется во всем этом наша дружба с комсомолом. Это органически верно. Ведь – заметьте – у Мейерхольда нет «старых» друзей. Он по существу может быть в дружбе только с юношеством, детьми, да еще с собаками. Собакам он здесь поражается, ибо с ними можно разговаривать только по-французски... За собак pardon, pardon!.. Но я все «попросту – без затей» – по-дружески интимно, как все мое это последнее письмо. Итак – ура-ура – душа и сердце играют туш! Увидимся скоро-скоро для работы, творчества и завоеваний. Обнимаю дружески всех.

Ваша *Зинаида*

РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 43–46об.

8

З.Н. Райх и Вс.Э. Мейерхольд – А.Е. Нестерову
и всем сотрудникам ГосТИМа
20 ноября 1928 г.
Paris

Устал я жить в чужом краю⁷⁰

Милый Саша и все!

Деньги нами получены. Задержка идет за французской визой, у нас она просрочена на 3 месяца! И там – во французском Министерстве сейчас хлопочут за нас наши друзья. Отъезд категорически намечен и обещан на 27-е. Протелеграфируем все окончательно. Вс.Эм. прочел доклад для работающих в учреждениях СССР. Доклад был очень интересный, и многие горизонты стали у него ясными, отсеялось все здорово за это время. Рады, что едем к вам бодрыми и энергичными. А вы без нас за эти полгода все выросли большие, самостоятельные дети. Это радует ужасно.

«Комсомольскую правду» с простыней о театре получили⁷¹. Получили от Шестакова проекты Лавинского⁷². Ужас-ужас! – сказал М-д!

Но вот ваша Багда – в [дрожь] приводит, так гадливо-художествен[но] от ее примитивности.

Ух, ух – как хочется в работу, работу и работу.

Ну знаете ли, до одури ходим по всем театрам и кино.

Вчера были с Прокофьевым в театре на парижской новинке, имеющей ошеломляющий успех – «Бродвей»⁷³. Нам предлагают эту пьесу перевести. Очень интересно, но подходит под все параграфы запретов Главреперткома...

Ух и издевался же Вс.Эм. на своем докладе над «Запретительными тезисами» Главреперткома – интересно! До скорого, черт возьми, свидания.

Жаждем свиданий, жаждем лобзаний.

Ваши Райхо-Мейерхольды.

Письмо от Эрдмана получили⁷⁴.

Привет!

В. Мейерхольд

Автограф.

РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 47–47 об.

Приложение

Ответ тов. Мейерхольда на Открытое письмо «Комсомольской правды»

28 сентября 1928 г. З.Н. Райх сообщала о письме Вс.Э. Мейерхольда, адресованном комиссии ликвидаторов, – по словам самого Мейерхольда, «рыхлом и растянутом, не удавшемся вследствие моего “психического расстройства” (так волнуюсь событиями)». Действительно, 39 листов довольно хаотического текста передают состояние Мастера не меньше, чем заключения врачей. Письмо отправлялось частями и сопровождалось просьбой В.Н. Сарабьянову и А.В. Февральскому отредактировать и перепечатать. Одна из копий предназначалась Тарасу Кострову (А.С. Мартыновскому), главному редактору газеты «Комсомольская правда», активно выступавшей в защиту ГостИМа.

Еще 31 августа газета опубликовала два Открытых письма (1928. № 202. С. 4). Одно было адресовано Главискусству, другое Мейерхольду – с предложением высказаться о сложившейся ситуации. Ответ А.И. Сви́дерского поступил довольно быстро (1928. № 212. 4 сентября. С. 4), но вызвал множество вопросов и возражений и только подстегнул кампанию в защиту театра. Работа Мейерхольда над письмом затягивалась, а нарастающий вал событий требовал все новых корректив. В конце концов, ответ газете соединился с обращением к ликвидаторам.

З.Н. Райх надеялась, что Костров сможет из присланного материала «выжать ответное письмо Мейерхольда “Комсомольской правде”, которое они ждут». Костров порекомендовал редактирование своему сотруднику И.И. Бачелису. Резко сокращенный, энергичный, атакующий текст был опубликован в «Комсомольской правде» 19 октября 1928 г. (№ 244. С. 2).

Как могло случиться?

Как могло случиться, что «Государственный театр им. В. Мейерхольда», проработавший 8 лет в самых тяжелых условиях и давший много ценного для театральной культуры Союза, – как могло случиться, что этот театр оказался под угрозой ликвидации?

Перебирая весь имеющийся у меня материал, продумывая смысл каждой информации, я не могу добраться до корней, вырастивших это решение... Какие «мотивы» были выставлены для подкрепления чьей-то пагубной инициативы о закрытии театра?

Вс.Э. Мейерхольд.
1926

Если бы Мейерхольд, – заявил А.В. Луначарский, – просто поставил перед нами вопрос о поездке своего театра для показа передовой заграничной публике уже сделанных им достижений и для дальнейшего продолжения у нас в СССР уже начатого им дела, – то в этом решительно никто не смог бы усмотреть ничего зазорного»⁷⁵.

Но разве не так я ставил вопрос в письме своему к А.И. Рыкову⁷⁶? А.В. Луначарский может подтвердить, что вопрос о выезде нашего театра за границу ставился в порядок дня не раз. Это стремление поработать по линии культурной связи с заграницей никогда не вызывало ни с чьей стороны никаких возражений. А.И. Свидерский в «Вечерней Москве» высказывался тоже за поездку.

«Что касается предложения Вс.Эм. разрешить его театру поездку за границу, то принципиально против этого возражать не приходится. С точки зрения обмена культурными ценностями с заграницей и показа там наших театральных достижений это предложение следует всемерно поддерживать»⁷⁷.

Опираясь, таким образом, на отношение к вопросу о поездке А.В. Луначарского и А.И. Свидерского, я вел переговоры с целым рядом импресарио.

Затем начинается неслыханный кавардак.

А.И. Свидерский пишет мне: «Разрешение выезду труппы за границу может быть выдано только при полной документально доказанной гарантии безубыточности поездки» (Телегр. от 15/VIII–28). А когда я

гарантии этой добиваюсь, А.И. Свидерский пишет мне: «Отказываю в разрешении заграничной поездки театра. Предлагаю прекратить всякие переговоры с антрепренерами» (Телегр. от 27/VIII–28).

«Бегство Мейерхольда»

Сыпались телеграммы, лейтмотивом которых было одно: «Немедленно выехать в Москву». И даже тогда, когда я дал телеграмму о серьезном положении в состоянии моего здоровья, А.И. Свидерский твердил одно: «Немедленно выехать в Москву».

Для меня и для всякого, кто подробно ознакомится с делом, совершенно ясно, что объективного подхода к решениям вопросов, связанных с судьбой нашего театра, у А.И. Свидерского не было.

Зачем понадобилось т. Свидерскому так поставить вопрос в «Вечерней Москве»: «Все вопросы о существовании театра могут быть разрешены **только тогда**, когда Мейерхольд возвратится из-за границы»⁷⁸?

Разве это не намек на бегство? Намек совершенно достаточный, чтобы сороки на хвостах по всей Москве понесли восточку: «А ведь Мейерхольд-то не собирается возвращаться в Москву!».

Откуда потекли эти «слушки», из какого первоисточника? Как могла возникнуть самая возможность того, чтобы А.И. Свидерский в беседе с представителями месткома произнес такую фразу: «А признает ли Мейерхольд советскую власть?».

В Москве известно: шлют из Главискусства телеграммы Мейерхольду «приехать немедленно», а он не едет.

Хорошо сейсмографируя всякие «слушки», эмигрантские газеты тотчас подхватили: «Мейерхольд не собирается возвратиться в СССР».

Разве тактично было так ставить вопрос? Ведь я писал не один раз А.И. Свидерскому: «не в состоянии приехать», «переутомлен до крайности», наконец, «болен».

Разве тактично было со стороны А.В. Луначарского и А.И. Свидерского, когда они ставили и продолжают ставить под знак равенства невозвращение к сроку **Чехова** и невозвращение в Москву к сроку **Мейерхольда**?

Никакого кризиса нет!

Когда в конце июня впервые вопрос о нашем театре ставился в высших органах правительства, А.В. Луначарский голосовал против поддержки театра, против дачи нашему театру каких бы то ни было

дотаций. Мотивировал А.В. Луначарский это свое голосование тем, что Мейерхольд-де переживает «кризис», который будет длиться этак, примерно, года два-три; зачем при таких условиях давать деньги театру, который при «кризисе» его руководителя обречен на гибель.

В одной из газет появилась беседа А.В. Луначарского, в которой он указывает, что Мейерхольд «в последний сезон работал очень вяло, показал всего одну постановку, которая сделана мастером плохо»⁷⁹. Вообще ясно для А.В. Луначарского: мастер угасает, работает вяло, делает плохо. Если это связать с «кризисом», картина получается настолько мрачная, что надо непременно театр Мейерхольда расформировать.

Вопрос этот в голове А.В. Луначарского получил совершенно отчетливое решение в том смысле, что театр **должен быть** расформирован и **будет** расформирован.

Первым мотивом к тому, чтобы театр Мейерхольда не субсидировать и затем его расформировать, выставлен «кризис» Мейерхольда, его творческая вялость, его никуда не годная продукция.

Итак, о «глубоком внутреннем кризисе, который лично переживает сейчас Мейерхольд как художник»⁸⁰:

– Никакого личного кризиса я не переживаю. Стоя на позиции осовременивания классического репертуара*, я дал серию спектаклей, среди которых были такие, которые принимались безоговорочно, как «Лес», например, «Смерть Тарелкина», «Ревизор», «Горе уму», но откуда же видно, что я переживаю какой-то сложный внутренний кризис?

А.В. Луначарский выдвинул еще аргумент в защиту положения о «кризисе»: слабая работоспособность – за весь сезон всего одна постановка «Горе уму»⁸¹. Но и этот аргумент рушится. За сезон, когда показано было «Горе уму», сделано было еще «Окно в деревню». И где же, черт возьми, слабая Мейерхольда работоспособность, когда «Горе уму» – пьеса, по трудности не уступающая «Ревизору», была мною как режиссером сделана в более короткий срок, чем «Ревизор».

И если бы хоть когда-нибудь А.В. Луначарский заглянул в мою лабораторию с беспристрастными экспертами, он никогда не решился бы говорить о моей «слабой работоспособности».

* В настоящее время пребывание на этих позициях надо считать для данного отрезка времени законченным: театр уже получил ряд пьес близких ему современных драматургов (примеч. Вс.Э. Мейерхольда).

Хоть раз заняться театром вплотную

А.В. Луначарский пишет:

«Я должен сказать, однако, что рассказы о том, что театр Мейерхольда не пользовался поддержкой – пустые рассказы. Если переписать все то, что в разное время и по разным поводам деньгами и натурой получал Мейерхольд, то можно арифметически доказать, что театр его отнюдь не был поставлен в худшее положение, чем другие»⁸².

Я бы очень хотел, чтобы А.В. Луначарский выступил с арифметическими доказательствами того, что «театр получал деньгами и натурой» за 8 лет своего существования ничуть не меньше, чем другие театры, и что наш театр не был поставлен в худшее положение, чем другие!

Слабая продуктивность нашего театра не отрицается самими работниками театра, но причина этого кроется не в том, о чем пишет А.В. Луначарский. Вопрос о расширении помещения за счет казино, вопрос о капитальном ремонте театра (главным образом ремонте отопления и постройке помещения для склада декораций), вопрос об увеличении количества мест в театре (чтобы можно было понизить цены на место), вопрос о постройке репетиционного зала и пр., и пр. – **поднимались и поднимаются во имя того, чтобы усилить продукцию театра**, которая была несколько ниже других театров **вот из-за этих материальных условий**.

И не в том дело, что в «разное время и по разным поводам» бросались подачки, а в том, **чтобы хоть когда-нибудь, хоть раз как следует заняться театром вплотную, заглянуть во все его щели и крепко хотеть помочь ему однажды, чтобы он мог встать на крепкие ноги**.

Мейерхольд или театр Мейерхольда?

Следующий «мотив» выдвинут уже А.И. Свидерским: «Есть Мейерхольд, но нет театра Мейерхольда»⁸³. А так как Мейерхольд в данное время фактически отсутствует, то необходимо дать распоряжение: коллективного договора не заключать, театр расформировать.

Я на это скажу: **Мейерхольд мог стать тем, что он есть, только в той обстановке своей лаборатории, которая полна была, полна и сейчас, энергичных, талантливых, молодых, преданных делу культурной революции ребят, крепко сплоченного коллектива**.

На создание ансамбля, могущего так представить «Лес», «Ревизор», «Мандат», «Рычи, Китай!» и т.д., как эти спектакли задуманы и сработаны актерами, на создание ансамбля в системе новой актерской

школы советского толка, – положен большой труд, и вызвано к жизни большое изобретательство – мое и всего коллектива.

Вздор, если кому-нибудь придет в голову сказать: Мейерхольда можно использовать и на другой работе, в другом театре, с другими актерами!

Прошло то время, когда я мог как мастер в драме работать вне ансамбля моей труппы! Я могу продолжать свою работу на фронте культурной революции **ТОЛЬКО** в этом театре, **ТОЛЬКО** с моими, мною выученными актерами, **ТОЛЬКО** с моими учениками!

Вс. Мейерхольд.

Виши (Франция)

27 сентября

*Публ., вступит. статья и коммент.
Владислава Иванова и Марии Хализевой*

¹ Время прибытия в Париж Вс.Э. Мейерхольда и З.Н. Райх позволяет установить газетная заметка, любезно предоставленная Ж. Абенсуром: «Сойдя с поезда вместе со своей молодой женой, знаменитой артисткой Зинаидой Райх, он встретил нас, улыбаясь.

– Я приехал в Париж немного отдохнуть, – сказал он.

<...> Стоящий с непокрытой головой у входа в скромный отель Мейерхольд держится непринужденно – “по-студенчески”, по его словам, поскольку приехал в Париж как частное лицо.

<...> В прошлом году он приезжал в Париж, но времени тогда хватило только чтобы побывать в *Comédie Française* и у Луи Жуве. Ему не терпится узнать новые театры, о которых он слышан, он обещает вернуться в Париж на более длительный срок» (*Ашар Поль*. Мейерхольд. Великий русский режиссер проездом в Париже // *Paris-Midi*. 1928. № 1056. 11 juillet. P. 5). Пер. М.Ю. Зерчаниновой.

Учитывая, что заметка носит репортажный характер, а *Paris-Midi* – газета дневная, с большой долей вероятности можно предположить, что приезд в Париж состоялся 10 июля. Оттуда Мейерхольд отправлялся на юг Франции на лечение.

² *Рыков Алексей Иванович* (1881–1938) – в 1928 г. председатель Совнаркома СССР и одновременно Совнаркома РСФСР. Расстрелян.

- ³ *Смирнов Александр Петрович* (1877–1938) – в 1928 г. секретарь ЦК ВКП(б) и первый заместитель председателя Совнаркома РСФСР. Расстрелян.
- ⁴ *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933) – первый нарком просвещения РСФСР (1917–1929).
- ⁵ *Свидерский Алексей Иванович* (1878–1933) – в 1928 г. председатель Главискусства. В истории с ГосТИМом Свидерский играл одну из самых важных ролей, оставаясь при этом лицом подневольным. А.П. Смирнов в письме в ЦК ВКП(б) от 5 августа 1929 г. излагал прошлогодние перипетии: «Но т. Керженцеву должно быть известно, что в данном случае Главискусство выполняло директиву правительства, знает он также и о том, что Свидерский возражал против этой директивы» (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 120).
- ⁶ *Февральский (Якоби) Александр Вильямович* (1901–1984) – театровед, искусствовед, критик. В 1918 г. поступил одновременно на историко-филологический факультет Московского университета и в Социалистическую академию общественных наук. Вскоре перешел на работу в Наркомпрос, а затем в Главполитпросвет. С 1922 г. начал систематически писать о театре и литературе. Учился на режиссерском факультете ГЭКТЕМАСа. Ученый секретарь ГосТИМа (апрель 1928 г. – февраль 1929 г., декабрь 1930 г. – сентябрь 1931 г.), в ноябре 1935 г. – июне 1936 г. литературный консультант там же. С 1923 по 1930 г. сотрудник газеты «Правда». Научный сотрудник Государственной академии искусствознания (1930–1932) до перевода Академии в Ленинград. Автор книг о Вс.Э. Мейерхольде и В.В. Маяковском.
- ⁷ *А.В. Февральский* – Вс.Э. Мейерхольду. 26 июля 1928 г. Автограф//РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2489. Л. 40.
- ⁸ Беседа начальника Главискусства А.И. Свидерского с представителями ГосТИМа. 17 сентября 1928 г. Запись Н.К. Мологина. Маш. копия //РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 24 об. Опубликовано: *Колязин В.Ф. Таиров, Мейерхольд и Германия. Пискатор, Брехт и Россия: Очерки истории русско-немецких художественных связей.* М.: ГИТИС, 1998. С. 112–113.
- ⁹ 15 августа 1928 г. А.И. Свидерский телеграфировал: «разрешение выезду труппы за границу может быть выдано только при полной документально доказанной гарантии безубыточности поездки». 27 августа: «Отказываю разрешению заграничной поездки театра, предлагаю

- прекратить всякие переговоры с антрепренерами» (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2353).
- ¹⁰ В утверждении, что правительство давало деньги на эксперименты, а Мейерхольд больше экспериментировать не способен, содержалось немалая доля лукавства. В новую художественную политику власти эксперимент не вписывался. Заказ требовалось исполнять. Дело не в том, что Мейерхольд не мог больше экспериментировать, а в том, что эксперименты уже не были востребованы.
- ¹¹ *Государственным театром вы можете остаться.* – На такой вариант Н.К. Мологин пытался возразить: «Раз государственный – значит, нужен колдоговор. Государственный коллектив без колдоговора на самокупаемости – такой формы советскими законами пока еще не предусмотрено» (Беседа начальника Главискусства А.И. Свидерского с представителями ГосТИМа. Л. 23 об.–24).
- ¹² *Лежава Андрей Матвеевич* (1870–1937) – в 1928 г. заместитель председателя Совнаркома РСФСР. Расстрелян.
- ¹³ Беседа начальника Главискусства А.И. Свидерского... Л. 23–24 об.
- ¹⁴ *А.В. Февральский* – Вс.Э. Мейерхольду. 20 сентября 1928 г. Автограф // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2489. Л. 55.
- ¹⁵ *Б.И. Гольдберг* – Вс.Э. Мейерхольду. 30 сентября 1928 г. Автограф // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1405. Л. 28.
- ¹⁶ *Мологин (Мочульский) Николай Константинович* (1892–1951) – актер ГосТИМа (1921–1938), секретарь месткома. После закрытия театра работал в Театре им. Моссовета (1938–1939), художественный руководитель Хабаровского краевого радиокомитета (1939–1949), художественный руководитель Дома культуры завода АЗФ (Актюбинск; 1950–1951).
- ¹⁷ *Нестеров Александр Евгеньевич* (1902–1943) – режиссер, ученик Вс.Э. Мейерхольда. Работал в Театре им. Вс. Мейерхольда (1922–1935) – режиссер, актер, помощник начальника режиссерской части, с 1929 г. заместитель художественного руководителя театра. Осужден в 1935 г. по 58-й статье «за контрреволюционную деятельность» сроком на 5 лет. Без вести пропал на фронте.
- ¹⁸ *Гольдберг Борис Исаакович* – заведующий административно-хозяйственной частью ГосТИМа (1928–1930?).
- ¹⁹ *Вс.Э. Мейерхольд* – А.И. Свидерскому. Копии: АПО ЦК ВКП(б), ЦКК ВКП(б) – Солцу, редактору газеты «Правда» т. Бухарину, редактору газеты «Комс. правда» Кострову: «Вы не только не хотите помочь театру,

что совершенно отчетливо явствует из Вашего грубого выступления в печати, давшего сигнал к грубейшей травле меня и театра со стороны теакритиков, но Вы хотите, по-видимому, физической смерти моей, категорически требуя, чтобы я немедленно ехал в Москву, вконец потрясенный запрещением выезда театра за границу, известиями из Москвы, обессиленный четырьмя сердечными припадками, в таком состоянии, когда человека принято везти в ближайшую больницу. Телеграфировал о своей болезни Театру, а не Вам, ибо в одной из Ваших телеграмм Вы тоже категорически запретили мне переписываться с Вами.

Театр наш должен жить, и он будет жить.

Временное мое отсутствие вследствие необходимости серьезного моего лечения не может ни в какой мере помешать театру существовать. Вы сказали в печати явную нелепость, что есть Мейерхольд и нет театра Мейерхольда – Вы поете под дудочку тех врагов театра, которые неустанно хлопочут о его закрытии.

Прошу немедленно прочесть не разрешенную нашей цензурой брошюру к пятилетнему юбилею нашего театра, и у Вас откроются глаза на правду нашего бытия всеми изложенными в ней перипетиями нашей борьбы за право существовать» (РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 27). Отправка телеграммы через полпредство задерживалась. Тогда Мейерхольд выслал копию Мологину с требованием вручить А.И. Сви-дерскому. Наказ был исполнен на встрече мейерхольдовцев со Сви-дерским 17 сентября и, по описанию Б.И. Гольдберга, телеграмма «подей-ствовала как взорвавшаяся бомба» (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1405. Л. 23). Телеграмма, отправленная через полпредство, все-таки достигла Н.И. Бухарина, который передал ее В.М. Мологову со следующей резо-люцией: «Дорогой Вячеслав, пожалуйста, пробеги эту историю. Дело в том, что, по-видимому, на Мейерхольда клеветают изо всех сил кому не лень. Если считаешь нужным ответить, ответь на театр Мейерхольда, Нестерову или Февральскому».

²⁰ *Жемье (Тоннер) Фирмен* (1869–1933) – французский актер, режиссер и театральный деятель. В 1926 г. он стал инициатором создания Все-мирного театрального общества (с 1927 г. – его председатель), которое должно было способствовать культурному сближению между страна-ми (устройство международных театральных фестивалей, гастролей театров, конференций и т.п.). По его инициативе в Международном театральном фестивале в 1928 г. приняли участие Театр им. Евг. Вах-тангова и ГОСЕТ. В 1928 г. руководил театром «Одеон».

- ²¹ Мейерхольд настойчиво требовал приезда в Париж администратора театра Б.И. Гольдберга для ведения переговоров о гастролях, в чем Наркомпрос категорически отказывал, как и в праве самого Мейерхольда вести эти переговоры.
- ²² А.И. Свидерский отказывался подписать коллективный договор с труппой ГосТИМа до возвращения в Москву Мейерхольда.
- ²³ *Французское полпредство* – имеется в виду советское полпредство во Франции.
- ²⁴ Вероятно, имеется в виду Комитет содействия, о котором упоминает Мейерхольд в телеграмме А.И. Свидерскому от 22 августа 1928 г. (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 965. Л. 1). В него входили Ф. Жемье, Л. Жуве, Г. Бати и др. деятели французского театра. Возможно, на предварительной стадии он мыслился более масштабно, с привлечением политических деятелей.
- ²⁵ В «Комсомольской правде» были помещены два открытых письма. Одно адресовано Мейерхольду, другое – Главискусству. В первом письме высказывается опасение, что «неужели же теперь, в дни упорной гражданской войны за культуру этот театр выйдет из строя ради сомнительных побед над эпатированными буржуа в Европе», и выражается надежда, что своим ответом на письмо Мейерхольд рассеет возникшие сомнения. Во втором письме Главискусству посылается упрек в том, что оно недостаточно поддерживает театр Мейерхольда, и предъявляются требования, чтобы театру Мейерхольда была дана «реальная возможность возобновить свою работу в текущем сезоне, чтобы ему была оказана необходимая материальная поддержка и чтобы революционному театральному фронту было обеспечено участие в нем театра Мейерхольда – важной боевой единицы в деле классовой борьбы за культуру!» (Комсомольская правда. 1928. № 202. 31 августа. С. 4). Ответ Вс.Э. Мейерхольда был напечатан только спустя полтора месяца (Комсомольская правда. 1928. № 244. 19 октября. С. 2).
- ²⁶ Не получив ответ председателя Совнаркома А.И. Рыкова на свое письмо от 10 июля 1928 г., Мейерхольд пишет новое письмо (между 10 и 14 сентября), объясняя необходимость зарубежных гастролей и критикуя позицию Свидерского (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 998. Л. 8–13). Ответа не последовало. Еще 14 июля по телефону в театр было передано: «Ал.Ив. Рыков категорически отказывается заниматься сейчас вопросами театра. Он предлагает обратиться к А.И. Свидерскому»

- (А.И. Нестеров – Вс.Э. Мейерхольду. 18 июля 1928 г. Автограф // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2093. Л. 12 об).
- ²⁷ Речь идет о пьесе С.Х. Багдасаряна «Кровавая пустыня» («Марокко»), постановка которой в ГосТИМе намечалась в сезоне 1928/29 гг. К переработке пьесы был привлечен И.А. Аксенов. Постановка не была осуществлена.
- ²⁸ *Коган Елизавета Яковлевна* (1896–после 1964) – актриса ГосТИМа (1921–1930?). Занималась в студии ХПСРО у Ф.Ф. Комиссаржевского (1918–1919). Училась в ГВЫРМ–ГВЫТМ–ГЭКТЭМАС.
- ²⁹ *Генина Рахиль Моисеевна* (1902–1993) – актриса. Работала в Театре коммунистической драматургии (1920). В труппе ГосТИМа с 1921 до ликвидации в 1938 г. Училась в ГВЫРМ–ГВЫТМ–ГЭКТЭМАС (1921–1925). После закрытия театра была переведена в Театр Революции, где работала суфлером. В годы войны – помощник режиссера во фронтовом театре. После войны в ТЮЗе.
- ³⁰ *Ремизова (урожд. Тархова) Варвара Федоровна* (1882–1951) – актриса. Работала в провинциальных театрах. С 1924 по 1934 (?) г. в труппе ГосТИМа. Одна из старейших сотрудниц Мейерхольда. Сестра певца Д.Ф. Тархова и жена С.М. Ремизова, товарищей Мейерхольда по Филармоническому училищу.
- ³¹ *Логинова Елена Васильевна* (1902–1966) – актриса и помощник режиссера, режиссер-лаборант. В 1920 г. занималась в драматической студии политотдела Рязанского губвоенкома. Вместе с рядом участников студии (Э.П. Гариним, Н.И. Боголюбовым, П.В. Урбановичем и др.) и с руководителем студии В.Л. Жемчужным в том же году переехала в Москву и вошла в состав Первого самодеятельного театра Красной Армии, в организации которого принимал участие Вс.Э. Мейерхольд. Молодые актеры посещали спектакли Театра РСФСР Первого, иногда участвовали в массовых сценах. Училась в ГВЫРМ–ГВЫТМ (1921–1923). В ГосТИМе с 1921 г. до ликвидации театра. Работала в театре им. М.Н. Ермоловой актрисой и помощником режиссера (1938–1941; 1944–1956).
- ³² 27 сентября газеты опубликовали телеграмму Мейерхольда на имя заместителя председателя Совнаркома А.М. Лежавы: «Прошу отменить постановление Наркомпроса о ликвидации Государственного театра имени Мейерхольда. Не допускайте разгрома театра» (Вечерняя Москва. 1928. № 225. 27 сентября. С. 3).
- ³³ *Локшина Хеса Александровна* (1902–1982) – помощник режиссера, режиссер-лаборант, актриса в ГосТИМе. Жена Э.П. Гарина. Работала в

- театре до 1936 г. (с перерывами). Уходила и приходила вместе с Гариным.
- ³⁴ К письму Вс.Э. Мейерхольда (РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 100) приложена «справка» от 4 октября 1928 г. за подписью А.Е. Нестерова: «Письмо Вс.Эм. Мейерхольда от 27/IX 1928 г. адресовано всем членам Ликвидационной комиссии, то есть тт. Лежаве, Милютину, Ильину, Свидерскому и Луначарскому. Копии письма должно направить Бухарину, Кострову, Рыкову, Калинину, Шмидт, ЦК РАБИС, Криницкому, Керженцеву, Семашко. Письмо это к заседанию Ликвидационной комиссии опоздало. Решение принято вечером 2/Х, письмо получено утром 3/Х». Позже письмо было опубликовано в «Комсомольской правде» (1928. № 244. 19 октября. С. 2).
- ³⁵ *Сарабьянов Владимир Николаевич* (1886–1952) – философ, историк и экономист, профессор, заведующий кафедрой философии МАРХИ. Окончил юридический факультет Московского университета по экономическому и гражданскому отделениям весной 1911 г. В 1918–1923 гг. работал экономистом, в 1922–1930 гг. – в газете «Правда». Преподавал в различных московских вузах – Кооперативном институте, Институте журналистики. Член Художественно-политического совета ГосТИМа.
- ³⁶ В нумерации листов, проставленной рукой Мейерхольда, содержатся дополнительные листы с буквенными обозначениями. Нумерация архивистов насчитывает 39 листов.
- ³⁷ *Вейс Давид Лазаревич* (1878–1938) – с 1920 г. на руководящих должностях в издательской сфере; заведующий и председатель правления издательства «Безбожник» (по декабрь 1930 г.). Расстрелян.
- ³⁸ *Резвик Вильям* (Reswick William) – американский журналист, в середине 1920-х гг. – корреспондент агентства *Associated Press* в Москве. Был вхож в высокие советские инстанции и знаком с Н.И. Бухариным, Г.В. Чичериным, Г.Г. Ягодой, А.И. Рыковым. Автор книги *I Dreamt Revolution* (Chicago, 1952).
- ³⁹ *Ярославский (Губельман) Емельян Михайлович* (1878–1943) – председатель «Союза воинствующих безбожников» и Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), член редколлегии «Правды», журналов «Большевик» и «Историк-марксист», газеты «Безбожник».
- ⁴⁰ *Беседовский Григорий Зиновьевич* (1896–1949) – в 1928 г. советник полпредства в Париже. 3 октября 1929 г. бежал из посольства и получил политическое убежище во Франции. Сотрудничал в газетах «Воз-

- рождение», «Последние новости» и др. Основатель и редактор газеты «Борьба» (1929–1932). В годы Второй мировой войны участник французского Сопротивления.
- ⁴¹ Довгалецкий Валериан Савельевич (Саулович; 1885–1934) – в 1928 г. полпред во Франции.
- ⁴² Криницкий Александр Иванович (1894–1937) – в 1928 г. заведующий отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б). Расстрелян.
- ⁴³ Ф. Жемье – Вс.Э. Мейерхольду. 3 октября 1928 г. Подпис. маш. текст // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1559. Л. 13. Опубликовано: Из переписки Вс.Э. Мейерхольда (1926–1929) / Публ., вступит. статья и коммент. О.Н. Купцовой. Пер. писем Н.Э. Звенигородской и О.Н. Купцовой // Диалог писателей: Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 146–147.
- ⁴⁴ Анри Барбюс (1873–1935) – писатель-коммунист, с 1926 г. литературный редактор газеты *L'Humanité*, с 1928 г. возглавлял еще одно периодическое издание – газету *Le Monde*.
- ⁴⁵ Вырезки не сохранились. Парижская газета «Возрождение» поместила цикл сообщений о «деле Мейерхольда» по материалам советской прессы: Мейерхольдовские дела // *Возрождение*. 1928. № 1207. 21 сентября. С. 2; Опять Мейерхольд // *Возрождение*. 1928. № 1208. 22 сентября. С. 1; Путаница с Мейерхольдом // *Возрождение*. 1928. № 1213. 27 сентября. С. 2; К делу Мейерхольда // *Возрождение*. 1928. № 1215. 29 сентября. С. 2; Опять Мейерхольд // *Возрождение*. 1928. № 1216. 30 сентября. С. 2.
- ⁴⁶ ГосТИМ открыл сезон 19 октября спектаклем «Рычи, Китай!» С.М. Третьякова.
- ⁴⁷ *Cahiers d'Art* – французский художественный и литературный журнал, основанный в 1926 г. К. Зервсом. Также являлся одноименным издательством. Журнал продвигал современное искусство во Франции, в том числе творчество П. Пикассо, А. Матисса, Ф. Леже, М. Эрнста, Р. Дюфи, М. Шагала и многих других.
- ⁴⁸ Имеется в виду диспут о судьбах Театра им. Вс. Мейерхольда, организованный «Комсомольской правдой», МК ВЛКСМ и Рогожско-Симоновским райкомом в Красном зале МК ВКП(б), где выступали в основном защитники театра: Ильин и И.И. Бачелис («Комсомольская правда»), О.С. Литовский, В.М. Киришон, П.И. Новицкий (Главискусство), С.А. Марголин (Ассоциация молодых режиссеров). См.: Московские комсомольцы за театр Мейерхольда. Против идеологической бесхозяйственности // *Комсомольская правда*. 1928. № 229. 2 октября. С. 4.

- ⁴⁹ *Кугель Александр Рафаилович* (1864–1928) – театральный критик, последовательный сторонник актерского театра. Не принимал режиссуры в принципе, будь то реалистическая эстетика МХАТа или поиски Мейерхольда в области формы. Хотя мейерхольдовский «Ревизор» обрел в нем неожиданного защитника.
- ⁵⁰ ...*юбилейчик они мне устроили...* – В октябре 1928 г. с государственным размахом отмечалось тридцатилетие МХАТа. Мейерхольд, входивший в первый состав его труппы (до 1902 г.), вероятно, имел в виду юбилей своей сценической деятельности, прошедший незамеченным.
- ⁵¹ *Шестаков Виктор Алексеевич* (1898–1957) – художник-конструктор и начальник монтажной части ГосТИМа (1927–1929).
- ⁵² На вечере в Политехническом музее 26 сентября 1928 г. Маяковский выступил с программным докладом «Левее ЛЕФа», в котором он, призывая к борьбе с литературным сектантством, с фетишизацией изживших себя левовских лозунгов негативного характера, таких, в частности, как отрицание живописи, замена ее работой над фото, сказал: «Я амнистирую Рембрандта», «я говорю – нужна песня, поэма, а не только газета», «не всякий мальчик, щелкающий фотоаппаратом, – левовец» (*Терентьев И.* Маяковский «Левее ЛЕФа» // *Новый ЛЕФ*. 1928. № 9. С. 48).
- ⁵³ *Степанов Валериан Яковлевич* (1878–1943) – актер, заведующий музеем ГосТИМа (1927–1938).
- ⁵⁴ В поддержку Мейерхольда выступили крупнейшие деятели французского театра: *Эмиль Фабр* (1869–1955), драматург, генеральный директор театра *Comédie Française*; *Фирмен Жемье* – см. коммент. 20; *Гастон Бати* (1885–1952), драматург и режиссер, основатель театра «Барак Химеры», директор театра *Montparnasse*, один из организаторов режиссерского «Картеля»; *Луи Жуве* (1887–1951), режиссер, входил в «Картель»; *Орельен Франсуа Мари Люнье-По* (1869–1940) – режиссер, директор театр *L'Œuvre* (1893–1929), один из реформаторов французского театра конца XIX – начала XX вв.
- ⁵⁵ З.Н. Райх цитирует очерк Максима Горького «В.И. Ленин».
- ⁵⁶ *Багдасарян (Тер-Багдасарян) Степан Хачатурович* (1888–1941) – врач, ученый, драматург. Учился в Медицинском институте Монпелье (Франция). В 1914 г. призван во французскую армию и направлен в Африку в качестве начальника госпиталя в Марокко. В 1925 г. репатриировался в Советскую Армению. Работал в учреждениях здравоохранения. Репрессирован (1937). Умер в ссылке.

- ⁵⁷ *Раскольников (Ильин) Федор Федорович* (1892–1939) в 1928 г. – председатель Главреперткома. Председатель Художественно-политического совета при Театре им. Вс. Мейерхольда. Принимал активное участие в защите театра (1928). Заменил А.И. Свидерского на посту начальника Главискусства (1929). Автор трагедии «Робеспьер» (1929), инсценировки «Воскресения» Л.Н. Толстого. В 1938 г. стал невозвращенцем, опасаясь репрессий в СССР.
- ⁵⁸ В июле 1927 г. *И.Э. Бабель* отправляется в Париж к жене и задерживается за границей (главным образом, во Франции) до октября 1928 г.
- ⁵⁹ «*Белый орел*» – фильм Я.А. Протазанова (1928) по повести Л.Н. Андреева «Губернатор». В фильме снялись В.И. Качалов и Вс.Э. Мейерхольд.
- ⁶⁰ *Аксенов Иван Александрович* (1884–1935) – художественный и литературный критик, переводчик. С начала 1920-х гг. – ближайший сподвижник Вс.Э. Мейерхольда, ректор ГВЫТМ–ГВЫРМ, ГИТИС (1922–1923).
- ⁶¹ *Зайчиков Василий Федорович* (1888–1947) – актер театра и кино. С 1918 г. занимался в театральной студии ХПСРО Ф.Ф. Комиссаржевского. С 1921 г. играл в Первом детском театре, в том же году перешел в Театр Революции. Одновременно поступил в ГВЫТМ. Сыграв роль Эстрюго в «Великодушном рогоносце» (1922), стал одним из ведущих актеров ГосТИМа. После закрытия театра работал сначала в Камерном театре, затем в Театре-студии киноактера.
- ⁶² *Цетнерович Павел Владиславович* (1894–1963) – актер, режиссер. В 1922 г. поступил в ГИТИС на курс Вс.Э. Мейерхольда. В 1922–1932 гг. режиссер-лаборант в ГосТИМе.
- ⁶³ Имеется в виду письмо В.Ф. Зайчикова и П.В. Цетнеровича от 11 октября 1928 г., в котором они детально описывают свои попытки сделать из пьесы С.Х. Багдасаряна «Кровавая пустыня» «спектакль большой политической значимости» (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2556. Л. 2–5).
- ⁶⁴ ...*всяких «Довилей» (вэдэттный пляж)*. – Довиль – престижный морской курорт во Франции. В 1913 г. Коко Шанель открыла здесь свой первый бутик и ввела моду на загар. Вэдэттный от фр. *vedette* – знаменитость. Пляж для звездных персон.
- ⁶⁵ *Кук Томас* (1808–1892) – британский предприниматель, открыл первую в мире туристическую компанию (1841–2019) и изобрел организованный туризм. «Кукиными детьми» называли участников коллективных туристических поездок.
- ⁶⁶ Имеется в виду драматург С.Х. Багдасарян.

- ⁶⁷ ...жена Пикассо... – Хохлова (Руис-Пикассо) Ольга Степановна (1891–1955) – балерина, артистка Русского балета С.П. Дягилева, жена Пабло Пикассо с 1917 г.
- ⁶⁸ Идея привлечь Пикассо к оформлению «Гамлета» увлекала Мейерхольда не один год. В последний приезд в Париж в 1936 г. режиссер долго обсуждал с Пикассо замысел «Гамлета», премьерой которого собирался открыть новое здание театра. См.: *Гладков А.К.* Мейерхольд: В 2 т. Т. 2. М.: СТД РСФСР, 1990. С. 161–162.
- ⁶⁹ *Прокофьев Сергей Сергеевич* (1891–1953) – композитор, пианист, дирижер. С 1918 г. гастролировал в Японии, Америке и Европе; в 1927, 1929 и 1932 гг. – в СССР. В 1936 г. окончательно вернулся в СССР. Написал музыку к неосуществленной постановке «Бориса Годунова», которой Мейерхольд тоже намеревался открывать новое здание театра. После закрытия ГостИМа над оперой Прокофьева «Семён Котко» Мейерхольд начинал работать в Оперном театре им. К.С. Станиславского, но спектакль был выпущен уже после гибели Мейерхольда.
- ⁷⁰ З.Н. Райх перефразировала есенинскую строку «Устал я жить в родном краю».
- ⁷¹ Возможно, имеется в виду выпуск «Комсомольской правды» от 13 ноября 1928 г., где на третьей странице под шапкой «Полтора года на одном месте. Решения партсовещания по вопросам театра повисли в воздухе» было помещено несколько материалов с критикой театральной политики Главискусства.
- ⁷² Недатированное письмо В.А. Шестакова с изложением предложений художника А.М. Лавинского по оформлению пьесы С.Х. Багдасаряна «Кровавая пустыня». См.: *Мейерхольд В.Э.* Переписка: 1896–1939 / Сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М.: Искусство, 1976. С. 291–295.
- ⁷³ «Бродвей» – пьеса Дж. Эбботта и Ф. Даннинга. Была поставлена авторами в *Broadhurst Theatre* (1926). Спектакль, где в жесткой, достоверной манере изображался преступный мир Нью-Йорка во время «сухого закона», стал одним из хитов Бродвея и прошел 603 раза. Из дневника С.С. Прокофьева: «Вечером с Мейерхольдами были в театре на бродвейской современной пьесе: *music-hall*'ы, контрабанда спиртными напитками, сыщики, стрельба. Место действия: кулисы, и трагические места прерываются выходами полуголых *girls* с пением и танцами. Испытанный и всегда удачный театральный прием: перемешивать трагическое со смешным» (*Прокофьев Сергей.* Дневник: В 3 т. Т. 2: 1919–1933. Часть 2. Paris. Sprkfv, 2002. С. 648).

- ⁷⁴ Имеется в виду письмо Н.Р. Эрдмана, датированное публикаторами ноябрем 1928 г.: «Многоуважаемый Всеволод Эмильевич, простите меня за непростительное молчание. Сижу по горло в пьесе, работаю, как на курьерских, дорожу каждой минутой, потому что чувствую, что запаздываю. В горячее время для Вашего театра написал Вам два письма, но, к счастью, не отправил. Письма эти можно было бы озаглавить так: “Господи, как я люблю Главискусство”. Подумав, что, может быть, Вы другого мнения, я разорвал их» (*Эрдман Николай*. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. / Ред. и вступит. статья А. Свободина. М.: Искусство, 1990. С. 274).
- ⁷⁵ *Луначарский А.В.* О театральных тревогах // *Красная газета*. Веч. вып. 1928. № 253. 13 сентября. С. 4.
- ⁷⁶ Сохранилось письмо Вс.Э. Мейерхольда председателю Совнаркома СССР и РСФСР А.И. Рыкову от 10 июля 1928 г., которое, судя по всему, осталось без ответа, и черновик письма (между 10 и 14 сентября) Мейерхольда председателю СНК о необходимости гастролей. Июль 1928 // РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 98.
- ⁷⁷ Мейерхольд о работе в настоящем сезоне. Театр находится в репертуарном тупике. Поедет ли театр им. Мейерхольда за границу // *Вечерняя Москва*. 1928. № 181. 7 августа. С. 3.
- ⁷⁸ *Свидерский А.И.* Театр им. Мейерхольда и В.Э. Мейерхольд // *Вечерняя Москва*. 1928. № 204. 3 сентября. С. 3.
- ⁷⁹ Мейерхольд неточно цитирует заметку в вечернем выпуске «Красной газеты» – «У А.В. Луначарского. Из Москвы по телефону» (1928. № 250. 10 сентября. С. 2).
- ⁸⁰ *Новицкий П.* О театре Мейерхольда // *Комсомольская правда*. 1928. № 215. 15 сентября. С. 2.
- ⁸¹ См.: А.В. Луначарский о Вс.Э. Мейерхольде и М.А. Чехове: Беседа с тов. А.В. Луначарским // *Вечерняя Москва*. 1928. № 211. 10 сентября. С. 3.
- ⁸² *Луначарский А.В.* О театральных тревогах // *Красная газета*. Веч. вып. 1928. № 253. 13 сентября. С. 4.
- ⁸³ В разных словосочетаниях эта идея проходит во многих выступлениях А.И. Свидерского: «Есть Мейерхольд, но нет театра Мейерхольда», «Есть театр Мейерхольда, но нет театра им. Мейерхольда», «Имеем ли мы дело с театром или только с Мейерхольдом» и т.д.